

Елабуга

Памяти М. Цветаевой

Запахло горелой соляжкой,
Тиной речной и грустью,
Вздоргнув, скользнули под пальцами
Палубной клёпки лады –
И мы теплоходом по Каме
В речное плывём захоlustье,
Куда река растянула
Гармошку осенней воды.
Прячут далёкий берег
Слева туманы жиденские,
Справа по крутоярам
Синяя даль светла.
Крыши пестреют крашенные,
Чаще уныло шиферные
И простодушные ёлочные
Храмовые купола.
Наш теплоход уткнулся
В музой хранимый Китеж.
Трёх пассажиров встречает
Шумный вороний оркестр.
Что раскричались, пернатые?
Мы ведь не к вам, уймитесь!
Или вы охраняете
Её неостывший крест?
Между могилочек осевших,
Где имена утрачены,
Мимо железных оградок,

Полуисточенных ржой,
Бродим, читаем, разыскиваем,
Где под травую прячется
То бесприютно гордое,
Что было её душой.
И ничего не находим.
И от кладбищенской грамоты,
Где не летают птицы
И неуютно нам,
Мы возвращаемся к пристани,
Мы возвращаемся к памяти,
К Каме и теплоходу,
Но, прежде всего –
К стихам.
И потемнеет Кама,
И звёзды в неё нападают,
Вздрагивающие искры
Чьих-то высоких сердец.
И над рекой, быть может,
Женский, глухой, неразгаданный
Голос над Камой услышу я,
Что запоёт, наконец.

Гаврила Державин

(1743–1816)

Когда рука теряет силы,
А ручка убожает стиль,
Стихам Державина Гаврилы
От смуты впору увести.
Был прямодушен, простодушен,
Горяч, любезен и востёр,

Любил поеть,
Но даже ужин
Червонной одой ввысь простёр.
Как скульптор древний, правил хаос,
Парил под солнцем налегке.
И брёл, местами спотыкаясь,
Как пьяный, в русском языке.
Нет, не ленился и не трусил
Над трудной строчкой ждать зарю.
Но мнил важней служенья музе
России службу и царю.
Ей – всю любовь,
Ему – старанье,
Обоим правду и добро
В юстиц-делах на поле брани...
А после всех работ – перо.
Короче, был по нашим меркам
Совсем не профессионал.
Но вот прошёл времён проверку
И даже в гении попал.